

ПОСЛЕ этого на сцене поставили табурет. Певца успокоили и вывели снова. Он испуганно оглядел зал, взобрался на табурет и запел.

Хлопали ему неустово. Какой-то железнодорожник, с винтовкой за плечами, перепоясанный пулеметными лентами, осипшим басом кричал:

— Молодец, Курмаш!

...Сцена была низкая. А он — тринадцатилетний, совсем маленького роста. В задних рядах, услышав чистый, звонкий голос, стали приподниматься и карабкаться на скамейки. Доски подломились. Грохот испугал певца, он убежал за сцену и ни за что не хотел выходить снова. Только когда ему сказали, что машинист поезда не поедет в Ташкент, пока он не споет, маленький Курмаш Джандарбеков вытер слезы и мужественно шагнул на сцену. В Ташкент ему нужно было попасть обязательно, во что бы то ни стало — он хотел учиться.

На здании бывшего кадетского корпуса надпись: «Наркомпрос. Первое педагогическое училище народов Востока».

Комиссия единогласно решила — отказать в приеме.

— У тебя всего два класса, а мы принимаем с четырьмя, — сказал председатель и, желая приободрить, добавил: — Не унывай, приходи через два года.

...Директор удивленно посмотрел на его тшедушную фигурку, пожал плечами, стоявшие за ним ребята загладели.

— Он. Он, товарищ директор.

— Слушай, — директор наклонился к нему, — вот эти юноши со станций Туркестан и Арысь утверждают, что у тебя хороший голос. Петь умеешь?

У него отлегло от сердца. Петь — это он может. И, закрыв глаза, Курмаш начинает раздольную, как степь, гортанную казахскую песню. Директор удивленно протирает пенсне — высокий чистый тенор, металлического оттенка. Шесть песен одна за другой. Он готов петь сутки подряд, лишь бы приняли. Начиная новую песню, он замечает у окна стройного бледного юношу, к его лицу словно не пристал стеной загар. Прижав книгу к груди, полузакрыв глаза, тот слушает слова песни и тихо покачивает головой в такт мелодии.

— Я вижу, вы здесь расположились навечно, — говорит, улыбаясь, директор. — Настоящий самородок. Принимаем вас условно.

В коридоре юноша с книгой подходит к нему:

— Хочешь, помогу заниматься?

Курмаш смущенно молчит, опустив голову, потом негромко говорит:

— Агай, у меня же нечем платить за учебу...

— А ты еще совсем темный, — улыбается юноша. — Да что с тебя взять. Ну, ладно, завтра и начнем.

— Спасибо, агай!

— Брось ты это — агай! Зови меня Гани, а фамилия моя Муратбаев.

Думал ли Курмаш, что через несколько десятков лет о юноше, который стоит рядом с ним, будут писать книги, сценарии, пьесы...

По винтовой лестнице он поднимается на плоскую крышу училища. Там ждет его Гани. Занимаются они обчно часа три-четыре. Потом Гани откладывает книгу и просит:

— Спой! Здесь никто не услышит.

Курмаш знал любимую песню Гани

и тихонько запевал пленительную «Сауле-май».

Занятия не пропали даром. На уроках в классе Курмаш отвечал уже наравне с другими, а иногда даже первым поднимал руку. Даже пытался читать книгу с мудреным названием «Капитал». Но перелистав несколько страниц, прибежал к Гани:

— Ничего не понимаю... Как же мне жить? Вы все спорите. На словах я понимаю вас... а вот в книге...

Гани усмехнулся. У него была добрая и чуть усталая усмешка:

— Чтобы понимать эту книгу, нужно много знать. С налета ее не возьмешь. Это тебе не кокар — схватил и поскакал. Ты думаешь, мне легко разобратся во всем? Все кричат, все тнут в свою сторону...

— Так кому же верить?..

— Ему, — Гани положил на стол книжку, что держал в руках, Сверкнуло короткое имя — Ленин. Любовно поглаживая корешок книги, чуть торжественно сказал: — Вот коран бедняков. Вот коран настоящего революционера.

Вдруг где-то далеко, хлопнул выстрел. Ему ответила раскатыстая дробь пулемета. Гани приветал.

— Что такое?..

Во дворе уже шумела толпа учеников. Около Гани сразу образовался кружок — люди смотрели на него так, будто ожидали какого-то решения. В ворота ворвался верховой. Это был белокурый парень в выгоревшей гимнастерке, в обмотках и разбитых ботинках. На боку — маузер, за спиной — винтовка.

— Кто тут Гани Муратбаев?

— Я, — Гани выступил вперед. Парень прыгнул с коня, взял Гани за руку и, наклонившись, заговорил:

— В городе восстание. Командует беляками комендант Ташкента, бывший полковник Осипов. Слушай, товарищ, меня прислали к тебе — нужны люди...

— Люди есть.

— Оружие?

— Три винтовки, — развел руками Гани.

Двадцать восемь человек выстроились во дворе. Вокруг них стояла молчаливая толпа. Курмаш шагнул и пристроился к последней шеренге. Гани заметил это, подошел и легонько вытолкнул его из строя:

— Иди. Тебе еще рано.

Гани вдруг повернулся к белокурому парню и по-русски спросил:

— Ты кто?

Тот удивленно пожал плечами:

— Ну, звание твое какое? Кто ты?

— А, — парень оглядел всех и громко на весь двор крикнул: — Я коммунар!

Гани шагнул к строю, положил руку на плечо правофлангового:

— Юсуф, ты?

— Я — узбек... Коммунар!

— Я, Карим — татарин... Коммунар!

И, вскочив на ящик, высоко подняв руку, Гани кричит:

— Я — Гани Муратбаев, казах, коммунар! И клянусь, что никогда не изменю этому великому делу, — он оглянулся, словно ища кого-то, увидел Курмаша, втащил его на ящик. — Братья, вот маленький Курмаш. Он еще не читал Ленина, но он знает, с кем он будет воевать!

...В 1921 году в Ташкенте состоялся первый Восточный вечер. Приехали люди даже из Бухары и Душанбе... Курмаш руководил выступлениями хора. Были и импровизированные состязания: «Биржан и Сара», «Бала и Жанак». Ведущий объявил:

в свои еилы. Как же так — создать национальный театр! Присматривались друг к другу. Но они были молоды, сил хватало на многое. Это они почувствовали на первом концерте. Пел Амре Каржеубаев, пел замечательно. Калибек Куанышпаев имитировал старика, старуху, невестку и даже злую собаку. Елюбай играл на домбре и рассказывал так, что в зале не стихал смех. Иса Байзаков создавал экспромты в стихах на любую тему, заданную публикой. А последний выступал замечательный борец Хажимухан. Его тоже пригласили в театр, правда, потом долго думали, какие роли ему давать.

ского, жизнь, которого была сосредоточена в театре, — и вдруг — шпион?! Через несколько месяцев новый удар — арестован Сейфуллин...

Ночью ему позвонил Левон Исаевич Мирзоян. Курманбек, не понимая, слушал. Мирзоян говорил быстро.

— Я уезжаю. Желая вам счастья. Я очень любил вас и ваше искусство. Увидимся, если будем живы...

Курманбек не спал всю ночь. Днем на репетиции к нему подошла Куляш:

— Знаешь, ночью звонил Мирзоян. Очень странно говорил. Куда он уезжает?

Их перебил чей-то голос:

— Все на митинг, товарищи!

— А в чем дело? — предчувствуя, но еще не зная, спросил Курманбек.

— Мирзоян оказался врагом народа...

Он сидел, запрокинув голову, сердце сжимала тоска, а за окном чей-то натренированный голос кричал:

— И мы клянемся нашему вождю, что каленым железом выжжем эту банду наймитов и шпионов...

Вечером возвращался домой, у ворот — машина, люди в плащах. Дрогнуло сердце: «Наверно, за мной». Но вот двое выводят Беимбета Майлину, они с ним соседи по квартире.

В тридцать четвертом Курманбек ставил оперу по либретто Майлина «Шуга». Через год — «Жалбыр». Замечательные стихи — лаконичные, точные, ничего лишнего — очень хорошо ложились на музыку.

В театре на вопрос, что будет с оперой, он ответил:

— Буду продолжать работу над ней.

— А вы знаете, кто автор стихов? — язвительно спросил его.

— Знаю. Достаточно того, что сняли имя автора. Опера должна увидеть свет.

— Вы рискуете...

— Это уж мое дело...

Вечером он пошел к секретарю обкома. Это был старый друг, он знал его еще по училищу, по Ташкенту.

Секретарь сидел за столом. Лицо измученное бессонницей и непрерывными заседаниями. Молча поздоровались. И без предисловий Курманбек спросил:

— Сейфуллин — алаш-ордынец? Я никак не понимаю, почему он тогда так яростно боролся с ними. А Майлин? Неужели ты веришь, что он хотел отторгнуть Павлодарскую область в пользу Японии?

— Я не советую тебе иронизировать, — хмуро прервал секретарь, — Мы окружены врагами...

— И ты веришь, что эти люди враги?!

— Я верю ему, — секретарь ткнул пальцем в портрет, висевший на стене.

Курманбек поднялся:

КАК КОММУНАР

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА КАЗАХСКОЙ ССР

О награждении Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР тов. Джандарбекова К. Д.

За заслуги в развитии музыкального и театрального искусства республики и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР тов. Джандарбекова Курманбека Джандарбековича — народного артиста Казахской ССР, заведующего кафедрой оперной подготовки Государственного института искусств им. Курмангазы,

Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР И. ШАРИПОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета Казахской ССР Б. РАМАЗАНОВА.

Алма-Ата, 13 февраля 1965 года.

— Айтсы. Бала — Курмаш Джандарбеков. Жанак — Ильяс Джансугуров.

За участие на вечере он получил первую премию. В том же году ЦК комсомола Туркестана принимает в ряды Коммунистического Союза Молодежи Курманбека Джандарбекова. Билет ему вручал Гани Муратбаев.

— Вот и ты коммунар, — коротко сказал он. — Самое высокое звание на земле — коммунист-интернационалист. Понимаешь?

Летели годы. Закончен пединститут. Курманбек работает в Чимкентском облоно. Здесь и застала его горькая весть. В Москве умер работник Коминтерна — Гани Муратбаев. Сгорел от туберкулеза. Комсомольцы уезда начали сбор средств на памятник. Курманбек согласился сразу — для Гани он был готов сделать невозможное. В городе появились афиши: «101 песня — исполняет Курманбек Джандарбеков»...

КУРМАНБЕК с удивлением прочитал: «Все, кто знает, где находятся эти люди, сообщите им, что они нужны в Кызыл-Орде, где будет создан национальный театр». И далее шли фамилии. Первым стоял Курманбек Джандарбеков, а в скобках: «Певец и артист. По слухам, находится или в Ташкенте, или в Пишпекке».

Главным режиссером был назначен уже тогда пользовавшийся огромной популярностью Серке Кожамкулов. Вторым режиссером стал двадцатидвухлетний Курманбек Джандарбеков. Сначала они не верили в

В двадцать девятом году столица Казахстана была перенесена в Алма-Ату. Из разрозненных самостоятельных кружков стали создаваться музыкальные коллективы. В январе 1934 года режиссер Джандарбеков поставил «Айман Шолпан». А семнадцатого января коллектив стал первым музыкальным театром в Казахстане. В нем начали работу и по-настоящему открылись как артисты оперного жанра Куляш Байсеитова, Канабек Байсеитов, Шара Жиенкулова.

Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Левон Исаевич Мирзоян вызвал их к себе и сказал:

— Товарищи, я знаю, что театр создан всего два года назад. Но нам предлагаю поехать на декаду в Москву. Вы понимаете — это будет первая национальная декада в Москве. И я верю в вас.

То, что случилось в Москве, превзошло все ожидания. Было море цветов, был праздничный встречи. И взволнованные этой братской теплотой, они отдали Москве свои сердца.

Там же, в столице Родины, коллектив пообещал стране сделать свой музыкальный театр оперным.

ВОЗВРАЩАЛИСЬ домой окрыленные успехом. Но уже на вокзале им шепотом рассказали такое, чему они отказывались верить. Разве можно поверить, что нарком просвещения республики Темирбек Джурганов — враг народа, Жумат Шанин — первый народный артист республики, первый режиссер-драматург, последователь и проводник идей Станислав-

— Вспомни ночь в январе, Осиповское восстание. Ведь ты тогда вместе с Гани кричал: «Я коммунар...»

— Замолчи, — грохнул кулаком по столу секретарь и, тяжело дыша, овладев собой, сказал: — А это имя я советую произносить как можно реже. Или совсем забыть.

Курманбек отшатнулся, он ожидал всего, но такое...

— И это говоришь ты, кого он повел в первый бой за свободу?

— Ты что мне нотации читаешь? А? Да ты знаешь, что мы тебя спасли? Начальник НКВД прислал список — там Куляш, Канабек Байсеитов, Мусрепов, Тажибаев... И ты!

— Ну, будем считать, что нам крупно повезло, — Курманбек повернулся к выходу.

Но жизнь продолжалась. Надо было работать и за тех, кто мучился на далекой Колыме, и за тех, кто уже никогда не встанет рядом. Он старался уйти в работу, забыться в ней. Репетиции в театре, работа над ролью ярого алаш-ордынца в фильме «Амангельды».

В конце войны Курманбек Джандарбеков поставил в оперном театре «Абай» А. Жубанова и Л. Хамиди. Этот спектакль отнял у него много сил. Образ замечательного поэта и правдолюбца давно привлекал режиссера. Самозабвенно он работал над оперой, выявляя малейшие нюансы в музыке и исполнении, старался скрупулезно восстановить в костюмах и декорациях эпоху Абая. Опера вошла в золотой фонд театра.

В сорок девятом году за постановку оперы «Биржан и Сара» Курманбеку Джандарбекову было присвоено звание лауреата Государственной премии.

ГОДЫ летят. Сейчас Курманбек Джандарбеков в Институте искусств — заведующий кафедрой оперной подготовки. Еще трудясь в театре, он начал эту работу — какое замечательное дело учить будущих певцов. И они уже стали известными людьми — Роза Джаманова, Ермек Серкебаев, Бибигуль Тулгенова, Марат Мусабаев, Айслу Байкадамова. В успехах каждого из них есть частичка и его труда.

Иногда, конечно, бывает грустно. Нахлынут воспоминания. Вот и сегодня на встрече с комсомольцами он говорит:

— Кто-то из вас, друзья, приветствует меня в связи с наступающим шестидесятилетием, сказал: «Спасибо вам, старому комсомольцу». Хочу поправить, я не старый — старейший комсомолец, может быть. Мы не имеем права быть старыми, комсомольцы первых лет революции. Что пожелать вам? Только одного — отдайте все свои силы народу. Живите так, чтобы в конце своей жизни вы могли прямо и честно сказать себе: «Я прожил жизнь правдиво, как настоящий коммунар!»

Н. БАБОШИН.

14 февраля 1965 года

КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАВДА
г. АЛМА-АТА